

и как он был решен. В тех случаях, когда данный вопрос специально интересует исследователя во всех подробностях, он, знакомясь с отчетами, получает полезную ориентировку в содержании важнейших архивных документов по этому вопросу и прямые указания на их нахождение (точное название дела, год его рассмотрения, дата утверждения решения Совета, каким ведомством представлено и какими департаментами рассматривалось). Отметим, наконец, что, как показывает практика, по отчетам может быть сделана значительная часть необходимых исследователю выписок. Последующая сверка их с архивными документами выявит либо совпадение текстов, либо их расхождение (что само по себе может быть интересно).

В техническом отношении важным достоинством отчетов является то, что они напечатаны. Вследствие этого они должны иметься во многих крупных библиотеках страны (не только Москвы и Ленинграда). Это дает возможность пользоваться ими вне архива (что избавляет многих исследователей от лишних междугородних переездов). Выполнение возможно большей части работы по отчетам желательно еще и потому, что их текст легче читается, чем текст рукописных (до 1893 г.) меморий и журналов, к тому же неудобных для пользования вследствие «руколомных» (по выражению А. А. Половцова)³⁵ объемов (в архиве Государственного совета названные документы были переплетены в толстые тома, что еще более затрудняло работу с ними). Наконец, пользование печатными отчетами много проще, чем микрофильмами, в виде которых материалы Совета чаще всего выдаются исследователям.

Итак, печатные отчеты Государственного совета являются важным источником по истории России последней трети XIX—начала XX в. и полезным пособием при обращении к архивным материалам этого высшего законосовещательного органа страны.

Л. И. ТОЛСТАЯ

ВОСПОМИНАНИЯ И. И. ТОЛСТОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится рукопись, переданная туда в ноябре 1906 г. автором в запечатанном конверте и снабженная завещательным распоряжением.¹ Это воспоминания бывшего министра народного просвещения И. И. Толстого, охватывающие период его министерства в кабинете С. Ю. Витте (с 31 октября 1905 г. по 24 апреля 1906 г.). Рукопись насчитывает 298 страниц текста, написана мелким, убористым почерком и имеет весьма незначительное

³⁵ Дневник. . . А. А. Половцова. Т. II. С. 380.

¹ РО ГПБ, ф. 781, оп. 1, № 568.

число помет, сделанных рукой самого автора. Это вставки отдельных случайно пропущенных слов или замена слова (зачеркнутого) другим. Существуют еще два экземпляра воспоминаний, абсолютно идентичных по тексту, но перепечатанных на машинке сразу по окончании автором рукописного текста, с авторской правкой и предисловием-автографом. Один из этих экземпляров в настоящее время находится в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве,² а второй (переплетенный в кожу) хранится в семейном архиве, у внучки автора записок.

И. И. Толстой до написания своих воспоминаний никогда не вел дневника, но, всегда очень живо откликаясь на события общественной жизни, понимал важность и серьезность внутрополитической обстановки в стране после 9 января 1905 г. Это и побудило его написать воспоминания сразу же, когда перестал существовать кабинет С. Ю. Витте. Таким образом, автор оставил нам по существу не воспоминания о событиях, отдаленных определенным промежутком времени (как это обычно делают мемуаристы), а свежие впечатления о только минувшем. Записки³ являются прежде всего результатом, подведением итогов государственной деятельности их автора. Воспоминания написаны в очень короткий срок — за период менее четырех месяцев и почти без привлечения документальных источников. И. И. Толстой имел в виду возможность опубликования своих мемуаров, находя в них определенный интерес для будущих исследователей этой эпохи. Лучше всего сказал об этом сам автор: «Шестимесячное управление мною Министерством народного просвещения совпало с одним из интереснейших периодов новейшей русской истории. Поэтому, получивши отставку и уехавши к себе в финляндское имение, через неделю после моего выхода из государственной службы я счел небесполезным заняться проверкою своих впечатлений, вынесенных из кратковременного пребывания моего в верхах правительственного мира. Я в мае 1906 года приступил для этого к изложению всего того, что запечатлелось в моей памяти, так как, к сожалению, я никаких записей, а тем паче дневника не вел, и пришлось ограничиться воспоминаниями и некоторыми документами, которые были под рукою. Свою работу я закончил к переезду с дачи в Петербург, т. е. в конце августа, и, таким образом, она заняла у меня несколько менее 4 месяцев. Краткость срока, с одной стороны, и скудость документальных данных, имевшихся у меня под рукою, — с другой, конечно, отразились на качестве моих „записок“, которым я по разным причинам не мог посвятить больше труда. Однако и в этом виде они, я думаю, представят известный исторический интерес для будущих исследователей нашей эпохи, как произведение близкого очевидца событий и участника их в той мере, насколько они меня касались. Печатать своих „записок“ я не могу теперь, так как счи-

² Там же, ф. 218. 455 с.

³ Рукопись не имеет ни заглавия, ни титульного листа: поэтому мы позволим себе называть эти воспоминания также записками, учитывая, что так по ходу изложения и в своей переписке называл их сам автор.

тал бы это неделикатным, но думаю, что когда-нибудь они увидят свет, может быть, только после моей смерти.⁴

Написанные без привлечения источников, записки И. И. Толстого являются «чистыми» воспоминаниями, что делает их особенно интересными. К пониманию своей деятельности И. И. Толстой подходит как ученый-историк; он описывает происходившие на его глазах события, дает им оценку; но это как бы оценка стороннего, лично не заинтересованного человека. Историк пишет свои мемуары для «будущих исследователей» данной эпохи, а не адресует их просто читателю. Поэтому в них мало личного, и это отличает воспоминания И. И. Толстого от воспоминаний С. Ю. Витте, в которых явно усматривается цель ведения определенной политической борьбы.

Иван Иванович Толстой, крупный ученый и известный общественный деятель, сын Ивана Матвеевича Толстого, министра почт и телеграфа, родился в Петербурге в 1858 г. По окончании гимназии И. И. Толстой поступил на юридический факультет Петербургского университета. С детских лет он пристрастился к коллекционированию русских монет, а будучи студентом, перешел к их научному изучению. На старшем курсе университета И. И. Толстой приступил к серьезному научному труду по древнерусской нумизматике, и в 1882 г. вышла в свет его первая книга «Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского», удостоенная Уваровской премии Академии наук. Молодой двадцатичетырехлетний автор сразу встал в число лучших специалистов по отечественной нумизматике и вскоре был избран в ряд научных археологических и археографических обществ и комиссий. С 1889 по 1905 г. И. И. Толстой был сперва конференц-секретарем, а затем вице-президентом Академии художеств. Под его руководством был выработан новый устав Академии. При участии И. И. Толстого открыты многие художественные школы в провинции, он уделял большое внимание постановке в них учебного дела. Таким образом, в последнее десятилетие прошлого и первое десятилетие нынешнего века (о чем свидетельствует обширная переписка по этим вопросам) И. И. Толстой, обладавший глубокими археологическими и искусствоведческими познаниями, стоял в центре художественного образования в России. В 1897 г. он был избран почетным членом Академии наук.

Археологию и нумизматику И. И. Толстой изучал всю жизнь независимо от того, какой официальный пост он занимал. С 1899 г. он был помощником председателя Русского археологического общества и активным членом Археологической комиссии. Перу И. И. Толстого принадлежат научные труды по русской нумизматике,⁵ археологии

⁴ Основному тексту воспоминаний предшествует рукописный текст, озаглавленный «Вместо предисловия» и не имеющий нумерации страниц.

⁵ Нумизматическая коллекция мирового класса, принадлежавшая И. И. Толстому, после Октябрьской революции была пожертвована его сыном академиком И. И. Толстым Государственному Эрмитажу и в настоящее время выделена в отдельный фонд. Подробнее об этом см.: *Спасский И. Г.* Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории минц-кабинета отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8. С. 194—200.

и вопросам истории русского искусства, не утратившие своего значения до наших дней.⁶ В октябре 1905 г. И. И. Толстой подал прошение об отставке, надеясь всецело отдалиться научной деятельности, но не успел еще выйти указ о его освобождении от должности, как Толстой получил предложение занять пост министра народного просвещения во вновь образованном кабинете Витте. В этой должности он пробыл, как уже указывалось, с 31 октября 1905 г. по 24 апреля 1906 г., когда весь кабинет *in corpore* был распущен. В 1913 г. И. И. Толстой дал согласие баллотироваться в городские головы С.-Петербурга. На этом посту он пробыл с 15 июля 1913 г. по 2 февраля 1916 г., выйдя в отставку по болезни за полгода до смерти. 20 мая 1916 г. он скончался в Крыму, в Гаспре.⁷

Многосторонность интересов и деятельности И. И. Толстого, как научной, так и общественной, определила круг его друзей и знакомых. Так как Академия художеств находилась в ведении Министерства имп. двора, И. И. Толстой был достаточно хорошо осведомлен о внутренней атмосфере правящих кругов и был вхож к царю. Та же работа в Академии сблизила его со многими художниками и деятелями искусства и науки. Среди близких друзей И. И. Толстого надо назвать И. Е. Репина, И. Я. Гинцбурга, С. А. Жебелёва, Н. П. Кондакова.

Подбирая состав кабинета министров, С. Ю. Витте оказался в положении достаточно сложном. Ему для успеха дела нужны были люди разные: и верные адепты правящего строя, и по-настоящему деловые люди, на которых можно было положиться, и лица, обладавшие определенной популярностью в либеральном лагере. Только такая расстановка сил могла сделать кабинет «новым» и надежным.

С портфелем министра народного просвещения возникли трудности сразу. Студенческие волнения, закрытие высших учебных заведений, революционное брожение, проникшее в среднюю школу, — все это для Витте осложняло подбор кандидатуры на данный пост, а у самих кандидатов сразу возникало сомнение, стоит ли соглашаться на столь трудное и вряд ли могущее быть успешным дело. Двое кандидатов (проф. Таганцев и кн. Трубецкой) ответили отказом вследствие несогласия работать вместе с П. Н. Дурново. Тогда-то и вспомнили об И. И. Толстом. Рекомендовал его Николаю II вел. кн. Владимир Александрович.⁸ Толстой устраивал и Витте, и двор во многих отношениях: он имел придворный чин гофмейстера, близко стоял в вопросе образования, зарекомендовав себя как вице-президент в Академии художеств, и был популярным общественным деятелем, чье имя никогда не связывалось с какими бы то ни было интригами и чья репутация никогда и ничем не была запятнана. Любопытно отметить, что сам С. Ю. Витте, в своих воспоминаниях не стесняв-

⁶ Библиографию трудов И. И. Толстого, составленную Л. И. Толстой, см.: Тр. ГИМ. М., 1986. Вып. 61. С. 172—179.

⁷ Подробнее о жизни и деятельности И. И. Толстого см. в кн.: Жебелёв С. А. Граф Иван Иванович Толстой. СПб., 1916.

⁸ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 116.

шийся в выражениях относительно многих описываемых им лиц, об И. И. Толстом писал лишь в самом уважительном тоне.

29 октября 1905 г. И. И. Толстой дал свое согласие Витте, а 31 октября уже приступил к исполнению обязанностей.

Воспоминания И. И. Толстого состоят из 11 глав, причем только последняя, 11-я, глава отличается от остальных субъективным характером. Об этом пишет и сам автор записок: «Последняя глава имеет характер крайне субъективный, и за нее я заранее прошу у читателя извинения: чувствую, что без нее мои записки были бы „серьезнее“ и „важнее“, но я решился все же написать ее, чтобы явиться перед читателем с „поднятым забралом“, что облегчит труд разобраться в причинах того или другого моего отношения к описанным в 10 главах „записок“ фактам».

Служба И. И. Толстого в Академии художеств хотя и была административной, но сама среда художников и деятелей искусства вносила в эту работу большую живость и разнообразие. Оказавшись же министром, Толстой сразу попал в окружение высшего слоя бюрократической машины страны. «. . . Впечатление было такое, — пишет он в воспоминаниях, — что это — огромная фабрика, выбрасывающая тысячи циркуляров, отношений, отзывов и т. д., в полном ходу, с массой колес, рычагов и паровых котлов, с целою армиею рабочих, мастеров, надсмотрщиков и десятников. Первые две недели моей службы в качестве министра я не мог отделаться от этого первоначального впечатления. . . ». И далее: «. . . я стал, как мне казалось, одним из бездушных рычагов огромной бездушной машины».⁹ И тем не менее то, что для обычных, умудренных опытом бюрократов было просто привычною рутиной, для И. И. Толстого с его очень живой и любознательной натурой невольно обрело некую прелесть новизны. Поэтому в своих записках он описал то, что редко и очень скудно представлено в воспоминаниях бюрократов. Особенно это касается глав 7—10-й, где автор очень живо, не упуская самых, казалось бы, мелких подробностей, описывал внешнюю, если можно так выразиться, «обстановочную» сторону заседаний первого объединенного правительства в России (заседаний Совета министров, процедуре всеподданнейших докладов, заседаний Государственного совета, Комитета министров и Особых совещаний).

Можно полагать, что предложение поста министра народного просвещения для И. И. Толстого не было полной неожиданностью, хотя обставлено оно было достаточно своеобразно и для Витте крайне характерно. 27 октября вечером, около 8 ч, домой к И. И. Толстому был послан «курьер от графа Витте с словесным приглашением явиться к нему в 9^{1/2} часов на Дворцовую набережную, в казенную квартиру, на которую он только перед тем переехал из собственного дома».¹⁰ С описания этого приглашения (глава 1-я — «Введение», с. 1—40) и начинаются сами министерские воспоминания И. И. Тол-

⁹ Воспоминания. С. 43. — Нумерация страниц дается по экземпляру, принадлежащему Л. И. Толстой.

¹⁰ Там же. С. 29.

стого. Встреча с Витте описана подробно и дает полное представление о далеко не формально-светском разговоре собеседников. С. Ю. Витте при этом не скрыл, что кандидатура И. И. Толстого пришла в голову не ему, а названа была царем, видимо, по совету вел. кн. Владимира Александровича, и подчеркнул, что ему некогда искать еще нового кандидата и ответ он надеется получить положительный. Это первое деловое свидание длилось 6 мин. Следующая их встреча на другой день, когда И. И. Толстой дал согласие и подробно при этом изложил основные позиции своей будущей деятельности и воззрения на ряд принципиальных вопросов, заняла, по словам автора воспоминаний, «минут 10 или четверть часа».¹¹

Главы 2—6-я (с. 40—289) посвящены непосредственно самой министерской деятельности И. И. Толстого, а потому и текст их по форме значительно отличается от последующих. Подробно описаны изменения, которые очень скоро были введены новым министром в стиль работы министерства (ежедневный прием просителей, порядок прохождения бумаг и т. п.); расписан введенный И. И. Толстым распорядок рабочего дня министра и его сотрудников; по ходу изложения даны характеристики избранного министром товарищей — А. И. Извольского и О. П. Герасимова, с которым очень скоро у И. И. Толстого установились отношения чисто дружеские, не прекращавшиеся долгие годы после окончания его министерской деятельности.

В главах 3—6-й содержится материал, получивший в значительной мере отражение (в уже более продуманном и как бы переосмысленном виде) в книге «Заметки о народном образовании в России», напечатанной И. И. Толстым в 1907 г., т. е. через год после написания воспоминаний, и еще в нескольких журнальных и газетных публикациях. Следует отметить, что в неопубликованном материале, т. е. в воспоминаниях, содержится подробное описание очень важного начинания — подготовки и проведения Сопещения университетских ректоров с привлечением к участию в нем ряда профессоров для выработки нового университетского устава.

Главы 7—10-я (с. 290—433) отличаются от предыдущих тем, что в них автор выступает в основном как лицо, присутствующее на тех или иных заседаниях ex officio и являющееся очевидцем событий, и явно адресованы «будущим исследователям данного периода русской истории». Эту часть воспоминаний несомненно следует признать совершенно уникальной, так как Толстой — сам историк — знает, сколь важно для ученого знакомство с любыми мелочами изучаемого материала. Ведь именно в мелочах отражается порой самое крупное и значительное. Описывая, казалось бы, чисто внешнюю сторону событий, автор записок дает реальное представление о расстановке сил, об отношении царя и его ближайшего окружения к манифесту 17 октября.

Глава 7-я — «В Совете министров» — начинается с описания сложности исторического момента, когда С. Ю. Витте, в представлении И. И. Толстого «одушевленный наилучшими намерениями»,

¹¹ Там же.

смело вставший «на сторону тех, которые признавали необходимым реформирование всей правительственной системы. . . из абсолютной монархии в правовое государство, взяв на себя всю ответственность. . . за исторический акт, выразившийся в Манифесте 17 октября».¹² Вместе с тем И. И. Толстой понимал, что Витте надеялся увековечить свое имя «превращением России одним росчерком пера в правовое государство»¹³ и тем воздвигнуть себе «памятник нерукотворный».¹⁴

И. И. Толстой останавливает внимание читателей на том, как в разных кругах был воспринят манифест. Автор подробно описал внутривластные и зачастую сознательные спровоцированные сложности, кидавшие честолюбивого С. Ю. Витте в крайности: «Я лично был не согласен со многим из того, что делал председатель Совета министров, критиковал откровенно и ему в глаза те меры, которые он проектировал, особенно в последний период его государственной деятельности».¹⁵ И далее: «Несмотря на ошибки (не ошибается тот, кто ничего не делает), на нервность и колебания, наш председатель остался в моих глазах, несмотря на многочисленные отрицательные черты его характера, крупной личностью, отличительной чертой которого была человечность, соединенная с большим умом и колоссальною рабочею энергиею».¹⁶ Пожалуй, эта достаточно лаконичная характеристика С. Ю. Витте наиболее верно отражает отношение к нему И. И. Толстого. В любых человеческих отношениях и контактах неизбежны свои нюансы, были они и в отношениях Толстого и Витте, но приведенные слова отражают основу этих отношений: сам обладавший чрезвычайной работоспособностью, Толстой умел ценить это качество и в других.

Автор записок со скрупулезной точностью перечисляет весь состав кабинета Витте, обязанности каждого министра, отмечает даже привычки и степень аккуратности в их исполнении (например, сколько заседаний пропустил тот или иной член кабинета). Перед глазами читателя раскрывается вся «кухня» работы кабинета, носившей непривычно для того времени деловой характер. Вот что пишет об этом И. И. Толстой: «Когда я в первый раз явился в заседание Совета министров, я, не зная, в какой одежде следовало быть, надел мундирный фрак. Витте сейчас же, как только увидал меня, спросил: „Чего это Вы так разрядились? Откуда Вы приехали?“ Оказалось, что все в заседаниях Совета носили черные сюртуки, а иногда даже черные или серые пиджаки, иначе говоря, одевались совсем подомашнему. Происходили заседания, как общее правило, в зале или, вернее, столовой при казенной квартире Витте, в доме придворного ведомства, рядом со зданием Эрмитажа, на Дворцовой набережной, во втором этаже. Комната была большая, но темная, с одним только окном во двор в конце длинной стороны зала; поэтому, даже

¹² Там же. С. 290.

¹³ Там же. С. 291.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 304.

¹⁶ Там же.

когда заседания происходили днем, зажигалось электричество. Посередине комнаты стоял длинный стол, покрытый зеленым сукном, за которым свободно помещалось человек двадцать-двадцать пять. . . Несколько раз, в виде исключения, Совет собирался в Маринском дворце, в зале Комитета министров; это происходило в дни заседаний Комитета, чтобы не собираться вторично: кончался Комитет, делался краткий перерыв, а затем гр. Витте объявлял о начале заседания Совета министров. Собирался также несколько раз вначале Совет в Царском, под личным председательством государя-императора». ¹⁷

«Чуть не первым коллегой, встретившим меня в Совете, — пишет автор записок, — был П. Н. Дурново; мы были с ним давно знакомы, хотя и не близко. Он встретил меня восклицанием: „Как я рад, граф, Иван Иванович, что вижу Вас здесь: уверен, что найду в Вас поддержку; а то тут собрались фантазеры. Вы увидите, какие тут проповедаются теории“. Через несколько недель тот же Дурново говорил, что я хороший человек, но часто расхожусь с ним во взглядах, а через несколько месяцев заявлял всем, кто слушать хотел, что в моем лице заседает в Совете министров представитель „кадетской“ партии и притом самых крайних воззрений. Этот анекдот, мне кажется, отлично характеризует отношения между собою сотрудников Витте, которые друг друга, можно сказать, или совсем не знали, или знали только весьма поверхностно». ¹⁸

Останавливает свое внимание автор воспоминаний и на отношениях Витте и Дурново: «Отношения между Витте и Дурново в ноябре и декабре 1905 г. были, на мой взгляд, странные. Дурново возражал почти против каждого предложения Витте, как бы принципиально не одобряя всю конституционную затею, находя ее преждевременною, не соответствующую характеру русского народа. Возражения делались, однако, редко прямо, а как-то обиняками, предупреждениями о могущих быть печальных последствиях. Это страшно, видимо, бесило Витте, и он по обыкновению не стеснялся в выражениях, бывал очень груб, доходя иногда фактически до крика. Тогда Дурново обыкновенно съезживался и говорил: „Да я, Ваше сиятельство, выражаю только свое мнение, дело Ваше — принять его или не принять, как Вы решите, так и будет. . .“ и т. п.». ¹⁹ «До января 1906 г. взаимные отношения эти имели такой вид, что Витте держит Дурново в руках и что, пользуясь его полицейскою опытностью, он направляет ее в нужную ему сторону, а Дурново, хотя и брыкается, но, подчинившись более сильной воле, не решается идти прямо против председателя, и если и повертывает иногда дела по-своему, пользуясь своими частыми всеподданнейшими докладами, то делает это с оглядкой и считаясь с опасным для него политическим противником». ²⁰ «И вот при таких обстоятельствах, при наличии

¹⁷ Там же. С. 308—309.

¹⁸ Там же. С. 309—310.

¹⁹ Там же. С. 316—317.

²⁰ Там же. С. 318.

которых у 99 человек из 100 опустились бы руки, Витте находит силу и возможность последовательно провести ряд законодательных и иных правительственных мер капитальной важности». ²¹

«Витте выходил к нам из своего кабинета всегда очень аккуратно в назначенное время, здоровался с присутствующими, обходя их, затем садился за стол и тотчас открывал заседание. . . причем Витте обыкновенно говорил усталым и тихим голосом. Манера его резко изменялась с дальнейшим ходом заседаний, и его тихий голос нередко переходил в настоящий крик, когда он вступал с кем-нибудь в спор; при этом он не задумывался над своими выражениями и слова вроде: „так могут думать только идиоты“ или „это черт знает на что похоже“, „я в таком случае все брошу к черту“, „я попрошу Вас молчать и слушать, когда я говорю“ и т. п. — были не редкостью». ²²

Ряду министров И. И. Толстой дает в этой главе характеристики достаточно полные и нелицеприятные — это прежде всего относится к П. Н. Дурново, М. Г. Акимову и А. А. Бирлиеву. Заканчивает автор главу 7-ю такими словами: «В заключение этой главы, в которой я не задавался целью изложить историю деятельности Совета или описать мою личную роль в нем, я хотел только представить читателю моих воспоминаний некоторые более интимные черты, могущие характеризовать его. . .». ²³

Чрезвычайно интересна, и именно отраженными в ней реалиями, глава 8-я — «Государственный совет. Комитет министров и Особые совещания». Эту главу И. И. Толстой, сам принимавший участие в заседаниях Государственного совета, Комитета министров и в Особых совещаниях только *ex officio* или в том случае, когда обсуждавшиеся вопросы касались его ведомства, адресует уже новому поколению, которому, разумеется, многие детали этой громоздкой государственной машины будут неизвестны. Автор рассказывает о структуре Совета, порядке прохождения дел, о том, в каком зале Мариинского дворца проходили заседания, как за столом по старшинству сидели члены Совета, в какой форме надо было присутствовать на заседаниях. Приводятся интересные подробности.

«Рассказываю я об этих мелочах потому, — пишет автор воспоминаний, — что они произвели на меня впечатление чего-то весьма архаического, но торжественного, почти иератического. Думаю, что самое существование традиционной торжественной обстановки, переносившей за сто лет назад, и привычка к установленным и строго соблюдаемым формам должны были наложить свою печать и на самый образ мышления высших сановников империи, и я представляю себе, как новшества, предлагаемые к введению в государственный механизм, должны были казаться многим из них дерзким святотатством, нарушением стародавних, освященных традицией и практикою приемов управления». ²⁴

²¹ Там же. С. 320.

²² Там же. С. 334—335.

²³ Там же. С. 348—349.

²⁴ Там же.

Говоря о чисто формальной стороне заседаний Совета, очень далеких от реальных и продуманных высказываний и решений, И. И. Толстой приводит такой пример: «Никогда не забуду одного почтенного генерала, члена Гос. совета, который после одного голосования подошел ко мне и говорит: „А я с Вами голосовал; я спросил, за что подал голос граф Иван Иванович, и когда мне сказали, то присоединился к мнению, за которое Вы голосовали. Ведь я — человек военный и в ваших штатских делах ничего не понимаю: Вы очень симпатично говорили, и я решил, что Вы, должно быть, правы. Я всегда так делаю: если кто-нибудь мне симпатичен (с любезною улыбкою), то я присоединяюсь к его мнению: ведь во всех этих вопросах сам черт ногу сломит, не знаешь иной раз, что лучше“. Этот генерал был откровенен, но сколько членов Гос. совета, которые, делая глубокомысленное лицо, голосовали за то или другое только потому, что таково было мнение Ивана Ивановича или Сидора Петровича, „а они должны знать“».²⁵

Большой интерес представляют описания Особых совещаний, на которых председательствовал часто сам царь. За время министерства Витте их было три серии: по новому положению о Государственной думе, по положению о Государственном совете и по вопросу об основных законах. Проходили совещания эти обычно в Царском Селе. И. И. Толстой в качестве министра принимал участие в первых двух сериях заседаний. От участия в третьей серии заседаний И. И. Толстой, И. П. Шипов, М. М. Федоров и А. П. Никольский были отстранены. «На всех заседаниях по правую руку от государя присутствовал великий князь Михаил Александрович. Поездок в Царское была целая серия. На Царскосельской станции нас ожидали придворные экипажи, в которые нас усаживали по двое; моими обычными компаньонами по карете были или Оболенский, или Немешаев. Приехав во дворец, мы шли прямо в вышеописанный зал по анфиладе комнат, мимо часовых; гр. Сольского, еле передвигавшего ноги, везли до места в креслах на колесах; иногда по болезни он в заседаниях не мог присутствовать. Минут через десять, после того как мы все были собраны в залах, приходил государь в сопровождении великого князя, причем в некотором расстоянии сзади шли дежурный флигель-адъютант, офицер охраны, гофферьер и скороход; эти лица в зал не входили, и тотчас после входа в него государя все двери закрывались. Государь заходил, здоровался со всеми присутствующими за руку, причем с некоторыми перекидывался вполголоса двумя-тремя словами, а затем садился на свое место в середине длинной стороны стола; по правую руку его величества садился великий князь Михаил Александрович. Тотчас все садились на свои места, наперед назначенные, и государь, окинув предварительно взглядом всех присутствующих, открывал заседание. Приблизительно через четверть часа после начала заседания государь вынимал свой портсигар и закуривал папиросу, причем предлагал всем желающим курить; многие спешили воспользоваться этим позволе-

²⁵ Там же. С. 357—358,

нием и дымили одною папиросою за другою (от них же первый есмь аз). Часа через два после начала заседания делался небольшой перерыв для чая, причем его вносила на небольших подносах, так же как и булки и сухари, целая процессия придворных лакеев. Во время чая государь и по его примеру, конечно, и все присутствующие, за исключением гр. Сольского, вставали со своих мест и, разбившись на группы, разговаривали. Государь тоже в это время говорил обыкновенно с Витте, Паленом или Фришем. Через четверть часа заседание возобновлялось. После окончания заседания, которое затягивалось обыкновенно до 7-ми часов, двери, через которые приходил государь, раскрывались сами на обе половины, и его величество, подавши руку ближайшим соседям по столу, остальным делал общий поклон и уезжал в Александровский дворец, в котором жил. Мы все прежним порядком садились и возвращались в Петербург на том же поезде, который нас привез». ²⁶

Речь С. Ю. Витте на первом заседании поразила автора записок своим тоном. «Вспомнить содержание всей вступительной речи Витте я, конечно, не в состоянии, так как никаких заметок я не делал, а передаю только общее впечатление, какое она на меня произвела: она не меня одного поразила своею расплывчатостью. . . Витте как будто думал перед государем и всеми нами вслух, и, как часто человек при обсуждении наиболее важного для себя жизненного вопроса, стоя на перепутье, мучает себя, приводя в уме аргументы за и против каждого своего решения, так и здесь он мучил государя своими сомнениями и нерешительностью: как будто, преодолевши целый ряд препятствий, он остановился в раздумье перед последним барьером, говоря хозяину: „Предупреждаю, что здесь я могу погубить твоего коня, а потому решай сам, брать ли барьер или нет: конь ведь твой, и я на себя ответственность за последствия брать опасаюсь“». ²⁷ Также достаточно подробно описано второе заседание, на которое были приглашены общественные деятели. В заседании, посвященном реформе Государственного совета, «трактовались вопросы об общем положении дел и специально о мерах по воспитанию крестьянству. Витте нарисовал перед государем ужасную картину общей разрухи, называя ее революциею и настаивая на том, что мы присутствуем именно при настоящей и несомненной революции. Будучи сам страшно расстроен и подавлен происходящим вокруг нас, он явно даже сгущал краски, желая передать свои впечатления государю». ²⁸

Не меньший интерес представляет глава 9-я записок — «Всеподавнейшие доклады». И. И. Толстой очень подробно описывает процедуру этих докладов. Каждый министр имел для доклада определенный назначенный день недели и час. Доклады, проходившие еженедельно, имели, по мнению Толстого, ту положительную сторону, что «давали возможность проводить отдельные вопросы бы-

²⁶ Там же. С. 363—365.

²⁷ Там же. С. 368—369.

²⁸ Там же. С. 374.

стрее и вернее, чем обычным, установленным для них путем, не нарушая законности их решения, так как царская воля покрывала собою всякие могущие возникнуть возражения». ²⁹ С другой стороны, это же давало в руки лицам типа П. Н. Дурново козыри, которые они могли пускать в ход по своему усмотрению. «Как часто, — пишет автор записок, — П. Н. Дурново на указания в Совете министров о нежелательности назначения того или другого лица губернатором или сенатором заявлял, что такова воля его величества, объявленная ему на всеподданнейшем докладе, как часто та или иная мера объяснялась им выраженным государем ему лично желанием. Как проверить такие утверждения? Не просить же у государя императора очной ставки с министром для проверки его утверждения». ³⁰

«Количество докладных государю дней у отдельных министров было весьма различно: некоторые имели всеподданнейшие доклады по несколько раз в неделю, другие по разу, а были и такие, которые имели всеподданнейшие доклады через две недели раз. Наибольшее число докладов имел министр внутренних дел, а затем военный. Министру народного просвещения полагался один день в неделю, а именно суббота». ³¹

В этой главе И. И. Толстой хотя и полусушутя, но прямо говорит о цели столь подробных описаний процессуальной и обстановочной стороны работы государственного аппарата: «Прошу читателей не смеяться над тем, что я упоминаю о всех этих, довольно детских, сознаюсь, мелочах: мне как археологу по профессии они кажутся любопытными и могущими когда-нибудь заинтересовать будущих любителей археологии и бытовой истории». ³²

Обыкновенно число докладов колебалось от 15 до 25. Процедура всеподданнейшего доклада проходила следующим образом. В пятницу «из министерства давалась телеграмма в придворно-конюшенную часть о высылке на станцию железной дороги экипажа для министра народного просвещения. . . это было необходимо, потому что станция. . . была довольно отдалена от дворца, а извозчиков у этой станции никогда не стояло; но если б их можно было бы тут найти, это делу помогло бы весьма мало, так как ввиду тщательной охраны дворца к нему едва ли пропустили бы штатского, едущего не в придворном экипаже». ³³

Специальный доезд отходил от Царского павильона в 10 ч 30 мин, а приходил в Царское Село в 11 ч. «На всеподданнейших докладах штатским полагалось быть в мундирном фраке при белом галстуке и ленте. Военные докладывали в сюртуке». ³⁴ Поезд состоял из 5 или 6 вагонов, задний предназначался для министров. «В этом вагоне был салон с угловым диваном, мягкими стульями и столом; окна с трех сторон, затем кабинет в два окна со всеми письменными при-

²⁹ Там же. С. 383.

³⁰ Там же. С. 383—384.

³¹ Там же. С. 389.

³² Там же.

³³ Там же. С. 391.

³⁴ Там же.

надлежностями и три небольших купе, а также уборная. . .».³⁵ Дальнейшее описание всех деталей поездки в Царское Село дается столь же подробно. В «Царском министров ожидали двухместные придворные кареты с ливрейными лакеями. У ворот дворца стояла многочисленная охрана из чинов дворцовой полиции. Швейцар брал у министра портфель, который в свою очередь передавал скороходу, а тот нес портфель в приемную, у дверей которой стояли двое казаков-конвойцев. Когда вскоре после 11 часов Николай II возвращался с субботних смотров гвардейских частей, начинались доклады». И. И. Толстой попадал на доклад только в 12 ч или позже. «Таким образом, — пишет он, — „антишамбрировать“ приходилось каждый раз не менее часа, а иногда и несколько больше».³⁶ Во время ожидания обычно шел пустой светский разговор. Д. Ф. Трепов почти всегда спрашивал: «Ну-с, что поделывает ваш премьер?»³⁷ В кабинете царя И. И. Толстой редко задерживался более 20 мин. Обстановку самого доклада автор описывает весьма подробно. Он останавливает внимание читателя даже на костюме царя, который в первые месяцы принимал министров в белом офицерском кителе, а затем перешел на малиновую шелковую косоворотку. После доклада министрам полагался придворный завтрак в Большом дворце; каждому министру предоставлялся при этом особый апартамент. В записках приводится и подробное описание этих апартаментов, а также самого завтрака («достоинства среднего»)³⁸ После завтрака ехали на станцию в том же порядке. К 2 ч поезд прибывал в Петербург. Таким образом, ради двадцатиминутного доклада тратилось пять часов полезного времени. Поразительно, что при таком внимании не только к форме, но даже к театрализации обстановки всеподданнейших докладов существо дела часто зависело только от порядочности министра, так как царь обычно утверждение или отказ по делу давал устно, а сама резолюция писалась с его слов министром, что делало вполне возможной прямую подтасовку по важным вопросам.

Глава 10-я — «Отставка» — подводит читателя к финальной части деятельности кабинета С. Ю. Витте. Сам Витте был поражен результатами выборов в Думу (которые, кстати, заранее предсказал из всего состава Совета министров один И. И. Толстой). «. . . в середине апреля Витте был уверен, что о совместной работе с новым парламентом, которого он так жаждал и на который он указывал государю как на якорь спасения, речи быть не может».³⁹

«В следующую пятницу, 21 апреля, Витте созвал нас, — пишет И. И. Толстой, — последний раз. Приехал и П. Н. Дурново, которого председатель особенно просил непременно быть. Открывая заседание, он заявил, что оно не будет деловым, а созвано лишь для беседы. Он нам объявил, что отставка его принята и что получили тоже отставку Дурново и Акимов. Что касается остальных, то ему

³⁵ Там же. С. 392.

³⁶ Там же. С. 394.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 404.

³⁹ Там же. С. 415.

ничего не известно, так как он „даря не видел, а извещен о своей отставке. . . письменно“. П. Н. Дурново он просил специально приехать на это заседание, так как хотел прочитать свое письмо с просьбой об отставке именно при нем, потому что П. Н. Дурново должен знать, „что о нем написано, чтобы не вышло, что он, Витте, скрыл от него свое мнение“.⁴⁰ «Спокойствие Дурново произвело такое впечатление, как будто ему, хотя бы в общем, было уже известно содержание письма».⁴¹

В субботу, 22 апреля, И. И. Толстой делал в Царском Селе последний всеподданнейший доклад. «Я живо чувствовал комичность своего положения: мне известно было, что отставка моя была предрешена, что, может быть, преемник мой уже назначен, и тем не менее должен был везти портфель с бумагами. . . как будто ничего не произошло. . .».⁴²

На обратном пути, понимая всю нелепость положения, И. И. Толстой в вагоне просил у бар. Фредерикса совета, как следует ему поступить. Тот после некоторого колебания сказал, что, пожалуй, «на моем месте он написал бы письмо, но не подсказывая в нем государю решения. . .».⁴³ И. И. Толстой последовал этому совету и 24 апреля отправил с курьером письмо в Царское Село, оставляя решение своей служебной судьбы всецело на усмотрение царя. Просьбы об отставке в письме не было. «Вечером того же дня, — пишет автор воспоминаний, — я получил мое письмо от государя обратно со следующей собственноручной надписью его величества: „Ввиду происшедших перемен нам приходится расстаться. Благодарю Вас, граф, за Вашу преданность и за усердие“».⁴⁴ К этому следует только добавить, что И. И. Толстой в отличие от всех остальных членов кабинета был уволен без предоставления другой государственной службы, без награждения орденом и без пенсии. Впрочем, сам он об этом и не просил, что подчеркнул в прощальной беседе с С. Ю. Витте, предлагавшим ему в этом отношении содействие, от которого И. И. Толстой, разумеется, отказался решительно. Последняя встреча С. Ю. Витте и И. И. Толстого произошла на другой день после прощального обеда, который Витте дал всему составу своего кабинета в собственном доме на Каменноостровском проспекте.

Глава 11-я (с. 434—486) — «Заключение» — как бы вырывается из общего содержания воспоминаний и, по словам автора, посвящена общим соображениям и умозаключениям. А потому, несмотря на очень интересный материал этой главы, содержащий характеристику политических позиций самого И. И. Толстого и ряд общих положений, мы воздержимся от ее пересказа.

В начале августа 1906 г. воспоминания были закончены. В имени Ниттисаари к И. И. Толстому часто приезжали друзья, и там же по свежим следам автор читал большие отрывки, возможно, отдель-

⁴⁰ Там же. С. 421.

⁴¹ Там же. С. 422.

⁴² Там же. С. 423.

⁴³ Там же. С. 424.

⁴⁴ Там же. С. 425.

ные главы. Первыми читателями являлись, видимо, друзья автора — И. Е. Репин и С. А. Жебелёв, очевидно, также И. Я. Гинцбург. Вопросы, поднятые в записках, естественно, были им близки: С. А. Жебелёв был профессором Университета, а И. Е. Репин — профессором Академии художеств.

В первой половине сентября 1906 г. И. И. Толстой «читал выдержки из этого писания В. В. Стасову, которому они так понравились, что он настоятельно потребовал»⁴⁵ от автора, чтобы тот вел дневник.

14 октября того же года И. И. Толстой уехал с дочерью за границу, а сын его, И. И. Толстой, по поручению отца частями отдавал рукописи воспоминаний для перепечатки на машинку, о чем мы знаем из ежедневной регулярной переписки отца с сыном. Из этой же переписки, получившей отражение и в дневниковых записях И. И. Толстого, так как он наиболее интересные письма переносил полностью в дневник, мы узнаем еще и о других читателях воспоминаний. Стоит напомнить, что совет В. В. Стасова автор воспоминаний выполнил и оставил после себя 26 книжек малого формата дневниковых записей, которые он вел без пропусков изо дня в день с 19 сентября 1906 г. до середины апреля 1916 г. Эти дневники представляют по объективности и подробности описания отдельных событий и по характеристикам современников И. И. Толстого безусловно не меньший интерес, чем его воспоминания. И. И. Толстой (младший) по просьбе отца давал читать записки своему дяде Д. И. Толстому и в письме описал впечатление последнего от воспоминаний. В дневниковой записи от 1 декабря 1906 г. мы читаем: «На мой вопрос о том, какое впечатление произвело на моего брата Дмитрия и на Елену (его жену. — Л. Т.) чтение моих воспоминаний о министерстве, Ваня пишет, что они критикуют мою описательную часть, находя, что не нужно было описывать внешнюю сторону заседаний Государственного совета, всеподданнейших докладов и т. д., так как это придает такой вид моему рассказу, точно я явился с луны и ничего подобного раньше не видел, удивляясь всему этому, придавая излишнее значение. Я понимаю, что с их точки зрения это замечание основательно, но как странно при этом вспоминать, что покойный В. В. Стасов именно этим описаниям придавал особенное значение и говорил не только мне, но и посторонним лицам, что эти описания будут со временем единственными в своем роде, так как никто не догадывается их сделать. Что значит точка зрения!»⁴⁶

И, наконец, еще один читатель воспоминаний, читатель заинтересованный — сам С. Ю. Витте, личности и деятельности которого уделено в воспоминаниях И. И. Толстого достаточно большое внимание.

20 ноября 1906 г. И. И. Толстой получил пересланное ему сыном письмо С. Ю. Витте. В дневниковой записи от 20 ноября 1906 г. читаем: «Ваня сообщил мне следующую копию с письма Витте мне,

⁴⁵ Дневник. Кн. 1. — Все книжки дневниковых записей хранятся в семейном архиве Л. И. Толстой.

⁴⁶ Там же. Кн. 2. С. 4—5.

посланного по городской почте: „Дорогой и многоуважаемый граф Иван Иванович. Как Вы поживаете? Очень хотелось Вас повидать и обнять. А куда обращаюсь к Вам со следующим. Хотелось бы оставить будущему историку описание событий от 17 октября до Думы. Скучны материалы. Желательно восполнить показаниями живых свидетелей, которые видели ход событий более близко. Обратился к бывшим коллегам, не доставят ли они мне свои воспоминания. Очень бы одолжили, если бы и Вы, дорогой граф, это сделали бы. Сердечно Ваш Витте. 10 XI⁴⁷. Хитрая Лиса, очевидно, прослышала о моих мемуарах, и ей не терпится узнать, что я о ней написал. Нахожу совершенно невозможным удовлетворить его любопытство целиком и написал Ване, чтобы он распорядился переписать 4 главы — о высш., средн. и низшей школах, а также об инородческом вопросе в школе — и передать Витте; сам я ему завтра или послезавтра напишу письмо, в коем постараюсь изложить свой Standpunkt».⁴⁷ И в записи за 21 ноября находим полный текст ответного письма И. И. Толстого к С. Ю. Витте. Письмо длинное, очень прямое и искреннее, содержащее обещание ответить в дальнейшем на интересующие С. Ю. Витте вопросы. 30 ноября И. И. Толстой получил от Витте письмо с выражением благодарности за письмо и с жалобами на трудность его (Витте) положения. В записи от 2 января 1907 г. И. И. Толстой приводит дословно полный текст письма, полученного им в Неаполе от Витте, которое начинается следующими словами: «Многоуважаемый и дорогой гр. Ив. Ив. (сокращения даны так, как они представлены в дневнике. — Л. Т.). Первую часть Ваших мемуаров я прочел. Ваш сын их любезно мне доставил. Прочел их с громадным интересом. Я Вам не отвечал на Ваше письмо именно в ожидании получения Ваших воспоминаний. Конечно, собственно для меня будет еще более интересно прочесть остальную часть Ваших мемуаров, где Вы излагаете Ваши воспоминания по общему ходу событий. . .».⁴⁸ 4 января И. И. Толстой пишет: «Утром я написал ответное письмо Витте, в котором пишу, что никак не могу дать ему на прочтение всех моих записок, так как они требуют еще моего просмотра, а для него, Витте, никакого значения иметь не могут, так как не заключают в себе фактических данных, ему нужных. Я предлагаю ему прочесть их ему, когда вернусь в Пбг, так как устно я ему могу дать пояснения».⁴⁹

Воспоминания И. И. Толстого, охватывающие период его министерской деятельности, можно считать в своем роде источником уникальным по полноте изложенных фактов, а главное — по очень внимательному отношению их автора к реалиям самой обстановки, в которой происходили описываемые им события, что несомненно представляет большой не только историкоисследовательский, но и исторический интерес. Они содержат ценный материал, позволяющий более всесторонне и глубоко представить кризис самодержавия в России начала XX в. и особенности деятельности бюрократической машины.

⁴⁷ Там же. Кн. 1. С. 176.

⁴⁸ Там же. Кн. 2. С. 88—89.

⁴⁹ Там же. С. 91—92.